Андрей РАНЧИН

Федор Тютчев: государственная служба поэта, публициста и историософа

После окончания Императорского Московского университета Федор Тютчев поступил на дипломатическую службу: такой выбор был традиционным для родовитого дворянина в случае, если он предпочитал гражданское, а не военное поприще. 13 мая 1822 года Тютчев получил весьма лестное назначение в дипломатическую миссию в Мюнхене – столице Баварии, которая была одним из самых значительных государств Германского союза. Назначение состоялось благодаря ходатайству родственника – графа А.И. Остермана-Толстого, пользовавшегося влиянием в правительственных кругах [Динесман, 2004. С. 6]. Само место, которое занял Тютчев, – чиновник «сверх штата» (или «внештатный атташе») – было «более чем скромным». Действительно, «внештатный атташе» не входил в штат миссии, а следовательно, не имел ни конкретных обязанностей, ни жалованья. Тем не менее, для восемнадцатилетнего юноши, едва сошедшего со студенческой скамьи, подобное назначение считалось большой удачей. Предполагалось, что талант, усердие, благоволение начальства и счастливый случай помогут молодому человеку продвинуться по служебной лестнице и сделать дипломатическую карьеру. К тому же предстоящая жизнь в баварской столице, расположенной вблизи Франции и Италии, сулила возможность непосредственного соприкосновения с западно-европейской культурой, а может быть, и с ее выдающимися представителями, – справедливо замечает Т.Г. Динесман. Тютчевский знакомец по университету М.П. Погодин отозвался об этом назначении словами: «Чудесное место!» [Динесман, 2004. С. 6].

Пребывание Тютчева в Баварии, пусть косвенным образом, но весьма сильно повлияло на его поэтическое творчество: глубокая рецепция им немецкой философской и поэтической традиций, в частности, поэзии Генриха Гейне [Тынянов, 1977], обусловлена не только философской и литературной модой в тогдашней России, но и личными впечатлениями от жизни в Германии. Сама же по себе служба в Мюнхене не была обременительной и не имела большого значения с точки зрения внешнеполитических интересов России: «В начале 1820-х годов Бавария не играла особо значительной роли в европейской политической жизни; при этом баварская дипломатия всецело ориентировалась на Россию. В результате у Мюнхенской миссии в ту пору почти не было дипломатических задач в полном смысле этого слова. В обширной переписке миссии с Коллегией иностранных дел за 1822–1827 годы собственно дипломатические проблемы фактически отсутствуют». Миссия в Мюнхене занималась преимущественно составлением депеш чисто информационного характера. Штатных сотрудников в миссии было всего трое (чрезвычайный посол и полномочный министр граф И.И. Воронцов-Дашков, первый секретарь миссии М.П. Тормасов и второй секретарь барон А.С. Крюденер), внештатных служащих – двое (Тютчев и граф Г.А. Ржевусский). В обязанности Тютчева входило переписывание депеш набело и изготовление копий для архива миссии. С января 1823 до начала февраля 1824 года он переписал 110 документов. Позднее же, вплоть до октября 1828 года, он был практически освобожден от обязанностей копииста (их поручили другому сотруднику): за этот период будущий автор «Цицерона» и «Последней любви» переписал всего лишь 15 бумаг [Динесман, 2004. С. 8]. Реальных дел почти не было, к тому же внештатный атташе Мюнхенской миссии не радел в делах службы, о чем говорит 1826 году запоздание к месту службы: Тютчев получил в этот год четырехмесячный отпуск для поездки на родину, но превысил его длительность более чем вдвое [Динесман,

Андрей Ранчин, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; 119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1). E-mail: aranchin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается дипломатическая и цензорская служба знаменитого русского поэта Федора Ивановича Тютчева (1803–1873), а также его публицистические и историософские сочинения, публикация которых была поддержана российским правительством. Дипломатическая карьера Тютчева несомненно свидетельствует, что он не был рожден для государственной службы – неисполнительность и пренебрежение своими обязанностями, им проявленные, были абсолютно недопустимы на этом поприще. Но дипломатическая служба в Западной Европе, особенно в Германии, привлекала его и по другой причине – Тютчев по складу характера и по привычкам был в высшей степени европейцем и был укоренен в немецкой культуре. Но успешное продвижение Тютчева по службе, начиная с середины 1840-х годов, было связано с его обнаружившимся в это время талантом политического публициста. Вместе с тем на этой же службе он проявил и образованность, и редкий ум (причем эти качества были проявлены, вероятно, не столько при составлении Тютчевым депеш – сам он написал немного документов, – сколько в устных беседах.) Его историософские идеи нашли выражение как в политических статьях, так и в стихах. Тютчевская историософия питалась идеями немецкой идеалистической философии, прежде всего шеллингианства. Но шеллингианство было и питательным истоком тютчевской натурфилософии – лирики, посвященной природе и человеку как ее отколовшейся частице. Имперская же историософия Тютчева носила очень глубокий и отнюдь не официозный характер.

Ключевые слова: дипломатическая деятельность, политическая публицистика, историософия и поэзия.

2004. С. 12]. Пренебрежение службой объясняется, по-видимому, не только таким обстоятельством, как почти полное отсутствие реальных дел, но и самосознанием поэта, считавшего копирование документов занятием несколько унизительным и ощущавшим свою ненужность, «лишность»: талант интеллектуала и публициста, блестяще проявившийся позднее, не находил воплощения.

Положение изменилось лишь в 1828 году после назначения нового посла И.А. Потемкина, когда поэт получил должность второго секретаря миссии, до того времени вакантную в течение двух лет. Он начал получать жалованье, правда, незначительное (800 рублей в год). Это было обычное служебное продвижение. Тютчев получил чин коллежского секретаря (чин X класса по Табели о рангах), полагавшийся автоматически после трехлетней службы, и право на следующий чин, в который назначали по истечении второго трехлетия. Более существенным успехом было получение придворного звания камер-юнкера.

Под начальством нового посла Тютчев выполнял уже более серьезные поручения. В ноябре 1828 года в баварской газете «Augsburger Allgemeine была напечатана статья «Письмо из Константинополя», содержавшая резкую критику российской внешней политики и действий российских войск, ведших войну с Турцией. Баварский король, неизменно придерживавшийся пророссийской линии, подписал рескрипт со строгими санкциями против газеты. Об этом событии Потемкин поспешил проинформировать начальника Коллегии иностранных дел графа К.В. Нессельроде, которому был отослан перевод королевского рескрипта на французский язык; переводчиком был Тютчев.

При Потемкине Тютчев чувствовал себя легко и не испытывал стеснений. Не таков оказался новый посланник князь Г.И. Гагарин, прибывший в Мюнхен в конце мая 1833 года. Жена Тютчева Элеонора писала брату мужа о новом начальнике: «Есть в его обхождении что-то сухое и холодное, что ранит вдвойне при том положении, в котором мы по отношению к нему находимся <...>. Вы знаете нрав вашего брата; боюсь, подобная манера держаться испортит их отношения; обоюдная стесненность и холодность, возникнув однажды, сделает дальнейшее сближение невозможным. Эта перспектива приводит меня в отчаяние <...> Вы сами знаете – если Теодор чем-либо задет или предубежден, он уже сам не свой; его натянутый и обиженный вид, его колкие фразы или хмурое молчание – все искажает его обычное обхождение, и я понимаю, что он производит неприятное впечатление. Следовательно, это обоюдно замкнутый круг <...>» [Современники о Тютчеве, 1984. С. 188–189].

Опасения оказались отчасти преувеличенными: жена даже смогла добиться для Тютчева увеличения его годового оклада на 200 рублей. В сентябре 1833 года Тютчеву была поручена ответственная дипломатическая миссия – он должен был отправиться к сыну баварского короля Людвига Оттону, занимавшему греческий престол, и посодействовать расстройству его намечавшегося брака с одной из французских принцесс. Тютчев должен был передать королю Оттону письмо его отца, осуждающее эти матримониальные планы. Поездка подготовлялась в большой тайне. Российское правительство альянс очень беспокоил, так как за ним мог последовать политический союз. Николай I французского короля Луи-Филиппа, пришедшего к власти вследствие революции 1830 года, презирал. Серьезным было то, что Франция в последние годы проводила враждебную правительству Николая I линию: совсем недавно она угрожала поддержать поляков, поднявших в 1830–1831 годах восстание за независимость от России.

Правда, вскоре выяснилось, что король Оттон отнюдь не стремится к брачному союзу с французским сюзереном. Тем не менее, командировка отменена не была. В сентябре-октябре 1833 года Тютчев посетил Грецию, но не застал короля Оттона в тогдашней греческой столице городе Навплии, где тот должен был находиться. Тогда он попытался найти его в другом городе – Патрасе. Письмо Людвига Баварского осталось невручennым. Тютчев поспешно покинул Грецию, даже не дождавшись, когда баварский посланник при греческом короле передаст ему донесения для своего короля Людвига: он отплыл в Триест с первым попутным кораблем – корабли из Греции в Триест были редки, а российский дипломат не желал долго ждать. Поездка была небезопасной: на пути из Триеста в Грецию корабль попал в бурю, на обратном пути Тютчев едва не заболел холерой в Триесте. Миссия Тютчева была провалена, но причины неисполнения поручения остаются неразъясненными.

Провалено, но совсем иначе, оказалось и другое поручение – составить записку о политическом положении в Греции. Записка Тютчева по содержанию была вполне серьезным текстом, но это содержание оказалось облечено в недопустимую поэтическую форму: «Волшебные сказки изображают иногда чудесную колыбель, вокруг которой собираются гении-покровители новорожденного. После того, как они одарят избранного младенца самыми благодетельными своими чарами, неминуемо является фея, навлекающая на колыбель ребенка какое-нибудь пагубное колдовство, имеющее свойством разрушать или портить те блестящие дары, коими только что осыпали его дружественные силы. Такова, приблизительно, история Греческой монархии. Нельзя не признать, что три великие державы, взлелеявшие ее под своим крылом, снабдили ее вполне приличным приданым. По какой же странной, роковой случайности выпало на долю Баварского короля сыграть при этом роль Злой феи?» [Динесман, 2004. С. 71].

Тютчев прекрасно умел составлять политические депеши, и есть основания согласиться с предположением, что этот текст был «сознательным эпатажем в адрес Гагарина» [Динесман, 2004. С. 72].

Тютчева угнетало безденежье, и Гагарин, несмотря на взаимную антипатию, его уважавший, попытался помочь, обратившись к Нессельроде с просьбой о повышении оклада и дав своему сотруднику весьма одобрительную

характеристику: «Коллежский асессор Тютчев, состоящий при посольстве в должности 2-го секретаря, – человек редких достоинств, редкой широты ума и образованности, притом нрава в высшей степени благородного. Он женат и обременен многочисленной семьей, а потому при скромных средствах, коими он располагает, лучшей для него наградой было бы денежное пособие <...>» [Динесман, 2004, с. 73]. Без последствий осталось и прямое обращение самого поэта к Нессельроде в октябре 1835 года: Тютчев просил о назначении на должность первого секретаря посольства в Мюнхене, но ему было отказано. Правда, Тютчеву было даровано императором Николаем I почетное придворное звание камергера, о чем поэта уведомил Нессельроде [Летопись, 1999. С. 151]. Однако высокое придворное звание не спасало от денежных затруднений.

А вскоре ситуация осложнилась из-за скандала – романа Тютчева с баронессой Эрнестиной Дёрнберг, который повлек за собой попытку самоубийства жены поэта-дипломата: «в порыве отчаяния она нанесла себе несколько ударов маскарадным кинжалом и выбежала на улицу, где, потеряв сознание, упала, обливаясь кровью» [Динесман, 2004. С. 78].

3 мая 1836 года Гагарин обратился к Нессельроде с просьбой об удалении Тютчева из Мюнхена: «При способностях весьма замечательных, при уме выдающемся и в высшей степени просвещенном, господин Тютчев не в состоянии ныне выполнять обязанности секретаря миссии по причине того пагубно-ложного положения, в которое он поставлен своим роковым браком. Во имя Христианского Милосердия, умоляю Ваше Высокопревосходительство извлечь его отсюда, а это может быть сделано лишь при условии предоставления ему денежного пособия в 1000 руб. для уплаты долгов: это было бы счастие для него и для меня» [Динесман, 2004. С. 80].

В письме родителям от 31 декабря 1836 года Тютчев жаловался на то, что в последние месяцы перед переводом на новое место почти в одиночку вел все дела миссии: «вся работа, более чем когда-либо, лежит на мне одном» [Тютчев, 2002–2004. С. 61]. Однако документы свидетельствуют, что он почти не был занят в это время служебными делами [Динесман, 2004. С. 81–82].

3 августа 1837 года Тютчев был назначен старшим секретарем Российской миссии в Турине – столице итальянского королевства Сардинии – с годовым окладом в 8 000 рублей. Служебными обязанностями Тютчев не обременял себя и здесь: он и Эрнестина Дёрнберг несколько недель путешествуют по Италии. С дороги, впрочем, российский дипломат отправил начальству в Петербург две депеши об итальянских политических и экономических делах. Жена Тютчева к этому времени скончалась, и он просил Нессельроде о разрешении на брак с Эрнестиной и об отпуске. На первую просьбу последовало согласие, на вторую – отказ. Формально Нессельроде был прав: штат миссии был невелик (всего три штатных служащих, один из которых уже был в отпуске). Но Эрнестина была беременна, и «Тютчев оказался перед дилеммой: соблюдение служебного долга или здоровье Эрнестины и ее душевный покой. Тютчев выбрал второе. 7 июля они вдвоем выезжают в Швейцарию в надежде заключить там брак по двум обрядам – православному и католическому» [Динесман, 2004. С. 125].

Бытует версия, что второпях секретарь российского посольства потерял секретный дипломатический шифр [Казанович, 1928. С. 132], но документы доказывают, что это, видимо, не так [Динесман, 2004. С. 132]. 29 июля в православной церкви при российской миссии в Берне, состоялось венчание Тютчева и Эрнестины Дёрнберг. 10 августа – произошло венчание по католическому обряду в Констанце.

После этого Тютчев с женой поселились в Мюнхене, где провели четыре года, причем он даже не попросил начальство о продлении полученного наконец отпуска. 30 июня 1841 года он был исключен из штата Министерства иностранных дел за невозвращение из четырехмесячного отпуска, полученного еще 10 ноября 1839 года [Летопись, 1999. С. 241]. (От должности старшего секретаря миссии в Турине он был освобожден 1 октября 1839 года – задним числом, по собственному прошению, поданному 6 октября 1839 года, и оставлен при Министерстве иностранных дел «до нового назначения» [Динесман, 2004. С. 128–129]. Увольнение в 1841 году повлекло за собой и лишение придворного звания камергера [Пигарев, 1962. С. 108].

В марте 1845 года он попросил о возвращении в состав Министерства иностранных дел и был зачислен, но без определенной должности; это было положение чиновника без жалования, в то время как Тютчев остро нуждался в средствах [Летопись, 2003. С. 20]. А 15 февраля следующего года был назначен чиновником особых поручений при Нессельроде. На дипломатическую службу он больше не вернулся. Он состоял в чине VI класса (коллежский советник) с годовым окладом в 1500 рублей, не способным покрыть всех семейных расходов [Летопись, 2003. С. 38]. 1 февраля 1848 года по ходатайству К.В. Нессельроде императору Тютчев был назначен чиновником особых поручений и старшим цензором при Особой канцелярии Министерства иностранных дел V класса (статский советник) с окладом 2430 рублей 32 копейки в год [Летопись, 2003. С. 71]. Спустя девять лет, он был произведен в чин действительного статского советника, соответствующий званию генерал-майора по Табели о рангах [Летопись, 2003. С. 262], а 17 апреля 1858 года указом императора Александра II был назначен председателем Комитета цензуры иностранной с оставлением в ведомстве Министерства иностранных дел. При этом по ходатайству министра иностранных дел князя М.Д. Горчакова «в уважение к полезным трудам его и долговременной службе по сему Министерству» Тютчев получил (помимо оклада в цензурном ведомстве – 3430 рублей) второй оклад, 1143 рубля 68 копеек – также и как чиновник министерства [Летопись, 2003. С. 294, 306]. 30 августа 1865 года он стал тайным советником, то есть получил чин III класса, равный воинскому званию генерал-лейтенанта.

Дипломатическая карьера Тютчева несомненно свидетельствует, что он не был рожден для государственной службы – неисполнительность и пренебрежение своими обязанностями, им проявленные, были абсолютно недопустимы на этом поприще. В своем мюнхенском письме Нессельроде он прямо объяснял пребывание на государственной службе материальной необходимостью: «Несмотря на то, что в будущем меня ожидает получение независимого состояния, уже в течение многих лет я приведен к печальной необходимости жить службой. Незначительность средств, отнюдь не отвечающая расходам, к коим меня вынуждает мое положение в обществе, против моей воли наложила на меня обязательства, исполнению коих может помочь только время. Такова первая причина, удерживающая меня в Мюнхене» [Тютчев, 2002–2004. С. 37]. Но дипломатическая служба в Западной Европе, особенно в Германии, привлекала его и по другой причине – Тютчев по складу характера и по привычкам был в высшей степени европейцам и был укоренен в немецкой культуре. По существу, об этом он говорит в цитированном выше письме: «Впрочем, ежели и существует страна, где бы я льстил себя надеждой приносить некоторую пользу службой, так это решительно та, в коей я ныне нахожусь. Длительное пребывание здесь, благодаря последовательному и серьезному изучению страны, продолжающемуся поныне как по внутреннему влечению, так и по чувству долга, позволило мне приобрести совершенно особое знание людей и предметов, ее языка, истории, литературы, общественного и политического положения, – в особенности той ее части, где я служу» [Тютчев, 2002–2004. С. 37—38].

Вместе с тем на этой же службе он проявил и образованность, и редкий ум. Причем эти качества были проявлены, вероятно, не столько при составлении Тютчевым депеш – сам он написал немного документов, – сколько в устных беседах. Иначе невозможно объяснить в общем и целом благожелательное и даже заботливое отношение к Тютчеву со стороны Гагарина, прощавшего подчиненному все эксцессы и выходки, и готовность Нессельроде вновь взять на службу бывшего дипломата. Ровной, обычной службе Тютчева препятствовали, по-видимому, неприятие рутины, всепоглощающая страсть («О, как убийственно мы любим <...>!») и склонность при неблагоприятных обстоятельствах если не к депрессии, то к апатии.

Но успешное продвижение Тютчева по службе, начиная с середины 1840-х годов, было несомненно связано с его обнаружившимся в это время талантом политического публициста. 16 августа 1843 года он познакомил начальника III отделения собственной его императорского величества канцелярии графа А.Х. Бенкендорфа со своим политическим проектом. Идея проекта заключалась в привлечении западноевропейских публицистов к пропаганде российских интересов в германской прессе. Николай I оценил тютчевский проект благожелательно. Как писал автор проекта родителям 3 сентября 1843 года о Бенкендорфе, «что мне было особенно приятно, это его внимание к моим мыслям относительно известного вам проекта, и та поспешная готовность, с которою он оказал им поддержку у Государя, потому что на другой же день <после> нашего разговора он воспользовался последним своим свиданием с Государем, перед его отъездом, чтобы довести об них до его сведения. Он уверял меня, что мои мысли были приняты довольно благосклонно и есть повод надеяться, что им будет дан ход» [Тютчев, 2002–2004. С. 271].

В марте того же года Тютчев публикует в приложении к немецкой газете «Augsburger Allgemeine Zeitung» письмо редактору, в котором полемизирует с опубликованным в ней очерком «Русская армия на Кавказе». Письмо Тютчева было апологией действий русской армии в Кавказской войне. В апреле следующего года Тютчев печатает в Германии отдельной брошюрой «Письмо к господину д-ру Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты»». Тютчев писал о долге немцев перед Россией, в 1813 году освободившей их от наполеоновского гнета, и призывал Германию бороться против революционного движения в союзе с Россией. Впоследствии эта статья, опубликованная первоначально по-немецки, но написанная по-французски, перепечатывалась под названием «La Russie et l'Allemagne» («Россия и Германия»).

Оба тютчевских текста были опубликованы без указания авторства, но в петербургских правительственных сферах имя их сочинителя было, конечно, известно.

Идеи, высказанные в этих публикациях, не могли не импонировать Николаю I. Более сложной, по-видимому, была реакция императора на адресованную ему записку (позднейшее ее название – «Россия и Революция», составлена на французском языке). Записка, завершенная в апреле 1848 года и являющаяся реакцией на революционные события февраля 1848 года во Франции (см. о ее датировке подробнее: [Осповат, 1992]; [Летопись, 2003. С. 75]), согласно утверждению жены автора, была воспринята царем одобрительно, причем император рекомендовал опубликовать ее за границей: «Государь читал и весьма одобрил ее; он даже высказал пожелание, чтобы она была напечатана за границей <...>» [Современники о Тютчеве, 1984. С. 225, пер. с франц., выделено в оригинале]. Однако совсем иначе передал реакцию Николая I на эту записку князь П.А. Вяземский: «Государь был, сказывают, очень ею недоволен. Жаль, что нельзя напечатать ее. А почему нельзя, право, не знаю <...>» [Вяземский, 1896. С. 90].

Есть основания полагать, что оба свидетельства справедливы, истина же лежит посередине. Тютчев писал о России и о революции: «Для уяснения сущности огромного потрясения, охватившего ныне Европу, вот что следовало бы себе сказать. Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная

будущность человечества». Николай I всецело разделял тютчевскую мысль о России как о главной силе, противостоящей духу революции, которая грозила завладеть Европой. Также он должен был согласиться и с другим утверждением поэта и политического публициста: «Прежде всего, Россия – христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же, прежде всего, – враг христианства» [Тютчев, 2002–2004. С. 144]. Однако, Тютчев грезил о соединении всех славянских народов, по крайней мере, исповедующих православие, под эгидой России и видел зримые следы такого желания в южных славянах – подданных Австрии: «<...> по всей этой военной границе, составленной на три четверти из православных сербов, нет ни одной хижины поселенцев (со слов даже самих австрийцев), где рядом с портретом императора Австрии не висел бы портрет другого Императора, упорно признаваемого этими верными племенами за единственно законного. Впрочем (зачем скрывать от самих себя), маловероятно и то, что все эти разрушающие Запад толчки землетрясения остановятся у порога восточных стран. И как могло бы случиться, чтобы в столь беспощадной войне, в готовящемся крестовом походе нечестивой Революции, уже охватившей три четверти Западной Европы, против России Христианский Восток, Восток Славяно-Православный, чье существование нераздельно связано с нашим собственным, не ввязался бы вслед за нами в разворачивающуюся борьбу. И, быть может, с него-то и начнется война, поскольку естественно предположить, что все терзающие его пропаганды (католическая, революционная и проч. и проч.), хотя и противоположные друг другу, но объединенные в общем чувстве ненависти к России, примутся за дело с еще большим, чем прежде, рвением. Можно быть уверенным, что для достижения своих целей они не отступят ни перед чем... Боже праведный! Какова была бы участь всех этих христианских, как и мы, народностей, если бы, став, как уже происходит, мишенью для всех отвратительных влияний, они оказались покинутыми в трудную минуту единственной властью, к которой они взывают в своих молитвах? – Одним словом, какое ужасное смятение охватило бы страны Востока в их схватке с Революцией, если бы законный Государь, Православный Император Востока, медлил еще дальше со своим появлением!» [Тютчев 2002–2004. С. 156].

Мысль Тютчева клонилась к панславизму, к идее принятия всех славян, в первую очередь, православных, в подданство русского царя. Но эта идея покушалась на неустойчивое политическое равновесие в Европе, и ее воплощение могло бы привести к нарушению принципов легитимизма, которые свято исповедовал Николай I, в 1833 году оградивший турецкого султана от восставшего египетского паши (несмотря на то, что исторически и геополитически Турция была старым врагом России), а в 1849 году подавивший восстание венгров против австрийского владычества. Панславистские идеи крайне болезненно воспринимались Австрией, под властью которой находились многие славянские народы – православные (часть сербов), униаты (ими была значительная часть западных украинцев) и католики (хорваты, поляки, чехи, словаки). Беспокойно воспринимался панславизм и в Пруссии, владевшей частью польских земель. К идее опереться на поддержку единоверцев – южных славян Николай I пришел только в катастрофических условиях – во время Крымской войны, когда Австрия заняла позицию недружественного нейтралитета. Кроме того, антикатолический пафос тютчевской статьи также был чужд российскому императору.

Статья была опубликована по-французски в Париже в виде брошюры в мае 1849 года. В дальнейшем Тютчев работал над большим трактатом «Россия и Запад», который писал также на французском языке; это сочинение закончено не было. 1 января 1850 года (по новому стилю) в парижском журнале «Revue des Deux Mondes» была опубликована статья «Папство и римский вопрос», написанная, как и другие тютчевские статьи, по-французски. Статья вызвала бурную полемику в заграничной прессе, а ее автор приобрел на Западе репутацию советника Николая I. В действительности, и Николай I, и позднее его сын Александр II относились к Тютчеву и к его идеям весьма скептически, а Александр II даже отозвался о нем как о «юродивом».

Вместе с тем, об определенном весе Тютчева в глазах власти свидетельствует предложение министра иностранных дел князя А.М. Горчакова (октябрь 1857 года) возглавить издание новой политической газеты, которая должна была противостоять «Колоколу» А.И. Герцена, приобретшему сильное влияние на российское общество. Тютчев в ответ на это предложение составил записку, которую, как он предполагал, должен был прочитать император. Напомнив, что последние десять лет цензура «тяготела над Россией как истинное общественное бедствие», Тютчев утверждает, что этот «тяжелый опыт» показал: «нельзя чересчур долго и безусловно стеснять и угнетать умы без значительного ущерба для всего общественного организма». Не отрицая цензуры как таковой, Тютчев полагает, что ее необходимо ограничить, и приводит в пример политику ряда германских государств. Необходим союз власти и общества, а для этого нужно, чтобы на страницах задуманного издания велась свободная полемика. В противном случае «ожидание приобрести влияние на умы с помощью таким образом управляемой печати» окажется «лишь заблуждением» [Тютчев, 2002–2004. С. 202, 209–210].

По замечанию биографа Тютчева и его зятя славянофила И.С. Аксакова, «...нельзя было лучше, полнее, откровеннее, тверже и мужественнее, и в то же время с большею вежливостью, с бóльшим приличием и достоинством высказать мнение по такому жгучему вопросу, как вопрос о печати, почти пред лицом власти и особенно

при условиях данного времени. Повторяем: это своего рода гражданский подвиг. Нет сомнения, что это письмо много содействовало к облегчению того гнета, который тяготел над русскою печатью, и к водворению несколько бóльшего простора для мысли и слова <...>» [Аксаков, 1997. С. 273].

Публицистика Тютчева носила не столько собственно политический, сколько мистически-историософский характер, глубоко чуждый воззрениям и Николая I, и его сына и наследника. Ее ключевой идеей было представление об особенной миссии России – преемницы Византии. Тютчев всецело разделял сформированную в Средние века идею translatio imperii. Комплекс тютчевских представлений был сформулирован в заметке, написанной в сентябре 1849 года: «1) окончательное образование великой православной империи, законной империи Востока, одним словом – России будущего, осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя; 2) соединение двух церквей – восточной и западной. Эти два факта, по правде сказать, составляют один, который вкратце сводится к следующему: православный император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима; православный папа в Риме, подданный императора» [Пигарев, 1935. С. 196]. Историософия Тютчева отчасти совпадала со славянофильством, но расходилась с ним в двух ключевых пунктах: 1) Тютчев, в отличие от славянофилов, не считал петровские реформы культурно-исторической катастрофой; 2) он был убежденным государственником, в то время, как славянофилы видели основу русской жизни не в государстве, а в общественном институте: в крестьянской поземельной общине – мирском аналоге церковной соборности. Кроме того, Тютчев был европейцем до мозга костей и даже мыслил по-французски – это язык и его частных писем, и его статей. На французском он чувствовал и думал – но стихи писал по-русски (французские стихи Тютчева совсем немногочисленны). Однако в своих стихах он проявил удивительное по сравнению с другими стихотворцами равнодушие и к русской истории, и к русскому фольклору. Россия была для Тютчева скорее предметом метафизической веры, чем живой и непосредственной любви.

Теми же настроениями, что и статьи Тютчева, проникнута и его лирика. Таково стихотворение «Пророчество» (1850):

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде –
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, –
Свершится он – и грянет час!

И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России, –
И встань – как всеславянский царь!

[Тютчев, 2002–2004. С. 14]

В более раннем стихотворении «Русская география» (1848 или 1849) идея России – преемницы Византии и древних царств Востока, призванной восстановить Восточно-Римскую империю и стать эсхатологическим царством, развернута еще более торжественно и грандиозно:

Москва и Град Петров, и Константинов Град –
Вот царства Русского заветные Столицы...
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?..
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство Русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух, и Даниил предрек...

[Тютчев, 2002–2004. С. 200]

«Русская география» вписывается в схему translatio imperii, восходящую к таинственным образам из библейской Книги пророка Даниила (гл. 2 и 7) – видению четырех зверей во сне вавилонского царя Навуходоносора; в позднейшей традиции толкований эти звери – Вавилонская, Персидская Эллинская, Римская монархии. Эта же идея, восходящая к Книге пророка Даниила и ее толкованиям, содержится и в трактате «Россия и Запад» [Синицына, 1998. С. 16–21]. В новейшем комментарии В.Н. Касаткиной к этому стихотворению [Тютчев, 2002–2004. С. 487] эта идея безосновательно названа славянофильской: концепция translatio imperii и этатизм славянофилам не были свойственны.

О политической и об историософской лирике Тютчева очень резко высказался такой поэт, как И.А. Бродский: «Тютчев, бесспорно, фигура значительная, но при всех этих разговорах о его метафизичности и т. п. как-то упускается, что большего верноподданного отечественная словесность не рождала. <...> С одной стороны, казалось бы, колесница мирозданья в святилище небес катится, а с другой – эти его, пользуясь выражением Вяземского, «шинельные оды»» [Волков, 1998. С. 51]. Оценка эта несправедлива. Дело даже не в том, что Тютчев, например, крайне резко высказался о внешней политике России, проводившейся К.В. Нессельроде (стихотворение «Нет, карлик мой! трус беспримерный!..», 1850), и не менее резко – о политике Николая I, приведшей к катастрофе в Крымской войне («Не Богу ты служил и не России...», 1855). Тютчевская историософия питалась идеями немецкой идеалистической философии, прежде всего шеллингианства. Но шеллингианство было и питательным истоком тютчевской натурфилософии – лирики, посвященной природе и человеку как ее отколовшейся частице. Имперская же историософия Тютчева носила очень глубокий и отнюдь не официозный характер. К имперской теме Тютчев должен был тяготеть и по причинам стилистическим: его поэзия ориентирована на традиции оды [Тынянов, 1977], а ода в ее главной разновидности – ода торжественная – была посвящена именно теме империи, ее величия, ее побед.

Литература

Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева: Репринтное воспроизведение издания 1886 г. М.: АО «Книга и бизнес», 1997;

Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 1998;

Вяземский П.А. Письмо Д.П. Северину. Петербург. 28 мая 1848 // Русская старина. 1896. № 1;

Динесман Т.Г. Ф.И. Тютчев. Страницы биографии: К истории дипломатической карьеры. М.: ИМЛИ РАН, 2004;

Казанович Е.П. Из мюнхенских встреч Ф.И. Тютчева (1840-е гг.) // Урания. Тютчевский альманах (1803–1928). Л.: Прибой, 1928;

Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева / Науч. рук. Т.Г. Динесман; Сост.: Т.Г. Динесман, С.А. Долгополова, Н.А. Королева, Б.Н. Щедринский; Отв. ред. Т.Г. Динесман; Ред. Н.И. Лукьянчук. Кн. 1. 1803–1844. [Мураново]: Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева. 1999; кн. 2. 1844–1860. [М.]: ООО «Литограф»; [Мураново]: Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева, 2003;

Осповат А.Л. Новонайденный политический меморандум Тютчева: К истории создания // Новое литературное обозрение. 1992. № 1;

Пигарев К.В. Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Литературное наследство. Т. 19–21. М.: Журнально-газетное объединение, 1935;

Пигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М.: Издательство АН СССР, 1962.

Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998;

Современники о Ф.И. Тютчеве: Воспоминания, отзывы и письма. Тула: Приокское книжное издательство, 1984;

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М.: Издательский центр «Классика», 2002–2004;

Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977;

Тынянов Ю.Н. Тютчев и Гейне // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.

FYODOR TYUTCHEV: THE STATE SERVICE OF THE POET, PUBLICIST AND HISTORIOSOPHER

Andrei Ranchin, Doctor of Philology, Professor of the Moscow State University (MV University) and the International Institute of Public Service and Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (B 1, Lenin Hills, Moscow 119991). (P 1, 82 Vernadsky Prospekt, Moscow 119571). E-mail: aranchin@mail.ru

Summary: The article deals with the diplomatic service and the censoring of the famous Russian poet Fyodor Tyutchev (1803-1873), as well as his historiosophic and journalistic writings, the publication of which were supported by the Russian government. The diplomatic career of Tyutchev certainly shows that he was not born into the public service - where inefficiency and neglect of duty had developed and which were totally unacceptable in this field. His the diplomatic service in Western Europe, especially in Germany, attracted him for other reasons - Tyutchev in temperament and habits was extremely European and was rooted in the German culture. The successful rise and promotion of Tyutchevs' career since the mid-1840s was related to his discovered talent at this time as a political publicist. At the same time and during his service, he displayed a wealth of knowledge, and a rare mind (and of which the exposition of these qualities were illustrated, probably not so much in the preparation of Tyutchevs' dispatches - he himself wrote little by way of documents but by way of his oral interviews.) Historiosophicaly his ideas were expressed by way of political articles and poems. Tyutchevs' historical philosophy fed ideas of the German idealist philosophy, especially that of Schelling's. Schellingism had a nutritious source of natural philosophy in which Tyutchev in his - lyrics devoted to nature and man as its breakaway particle. The imperial historiosophy of Tyutchev had also been very deep and not officious in its character.

Keywords: diplomatic activity, political journalism, historical philosophy and poetry.

References

Aksakov I. Biografija Fedora Ivanovicha Tjutcheva [Biography of Fyodor Ivanovich Tyutchev]: Reprintnoe vosproizvedenie izdanija 1886 g. M.: AO «Kniga i biznes», 1997;

Dinesman T. F. Tjutchev. Stranicy biografii: K istorii diplomaticheskoj kar'ery [F.I. Tyutchev. Biography: On the history of his diplomatic career]. M.: IMLI RAN, 2004;

Kazanovich E. Iz mjunhenskih vstrech F. Tjutcheva (1840-e gg.) [Out of the Munich meetings of F.I. Tyutchev (1840s)] // Uranija. Tjutchevskij al'manah (1803–1928). L.: Priboj, 1928;

Letopis' zhizni i tvorchestva F. Tjutcheva [Chronicle of the life and work F.I. Tyutchev]. Kn. 1. 1803–1844. [Muranovo]: Muzej-usad'ba «Muranovo» im. F. Tjutcheva. 1999; kn. 2. 1844–1860. [M.]: OOO «Litograf»; [Muranovo]: Muzej-usad'ba «Muranovo» im. F. Tjutcheva, 2003;

Ospovat A. Novonajdennyj politicheskij memorandum Tjutcheva: K istorii sozdanija [Newly discovered political memorandum of Tyutchev: the history of creatio] // Novoe literaturnoe obozrenie. 1992. № 1;

Pigarev K. Tjutchev i problemy vneshnej politiki carskoj Rossii [Tyutchev foreign policy issues of Tsarist Russia]// Literaturnoe nasledstvo. T. 19–21. M.: Zhurnal'no-gazetnoe ob#edinenie, 1935;

Pigarev K. Zhizn' i tvorchestvo Tjutcheva [Life and work of Tyutchev]. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962;

Sinicyna N. Tretij Rim: Istoki i jevoljucija srednevekovoj koncepcii (XV–XVI vv.) [The Third Rome: The Origins and Evolution of the medieval concept of (XV-XVI centuries.)]. M.: Indrik, 1998;

Sovremenniki o F. Tjutcheve: Vospominanija, otzyvy i pis'ma [F.I.Tyutchev: Memories, reviews and letters]. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984;

Tjutchev F. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 6 t. [F.I. Tyutchev Complete Works and Letters: 6 volumes]. M.: Izdatel'skij centr «Klassika», 2002–2004;

Tynjanov Ju. Vopros o Tjutcheve [The question about Tyutchev] // Tynjanov Ju. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977;

Tynjanov Ju. Tjutchev i Gejne [Tyutchev and Heine] // Tynjanov Ju. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977;

Volkov S. Dialogi s Iosifom Brodskim[Conversations with Joseph Brodsky]. M.: Nezavisimaja gazeta, 1998;

Vjazemskij P. Pis'mo D. Severinu. Peterburg. 28 maja 1848 [Letter from D.P. Severin. Petersburg. May 28, 1848] // Russkaja starina. 1896. № 1.